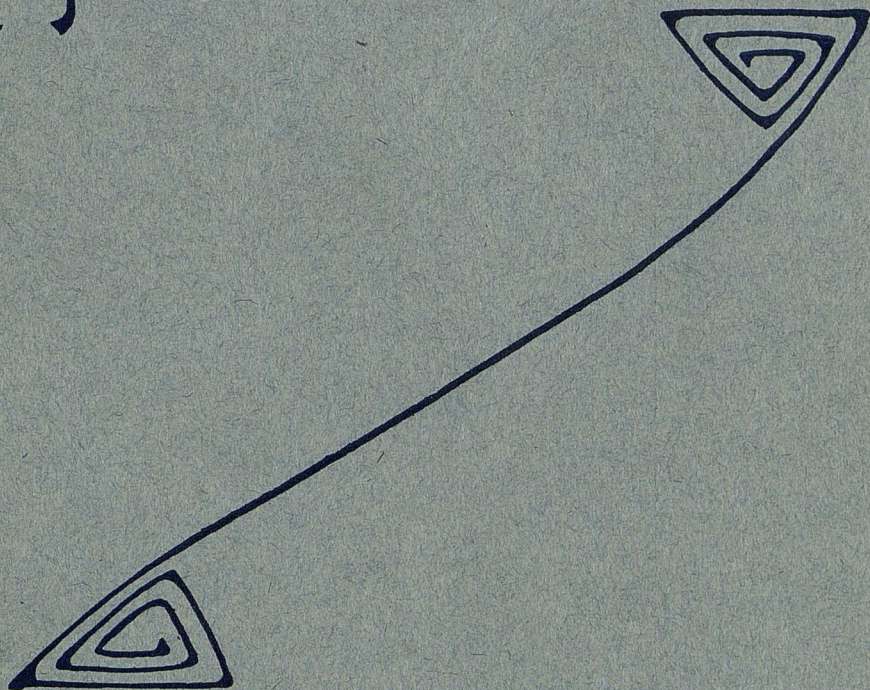

ДѢТСКІЙ МІРЪ

№ 14.

1 Января
1907 г.

ДѢТСКАЯ МОЛОЧНАЯ ПИЩА

ФАБРИКИ ТОВАРИЩЕСТВА

„Р. КЁЛЕРЪ и К° въ Москвѣ“

не есть подражаніе общеизвѣстнымъ питательнымъ препаратамъ для дѣтей, какъ молочная мука Нестле, мука Neaves'a, Mellin's food и т. п., а представляетъ собой по новымъ научнымъ даннымъ составленный препаратъ, который былъ испытанъ въ Московскомъ Воспитательномъ Домѣ, одобренъ и тамъ теперь введенъ въ употребленіе. Клиническія наблюденія, произведенныя весной и лѣтомъ сего года надъ „Дѣтской молочной пищей“, по свидѣтельству Главнаго Доктора Москов. Воспитательнаго Дома, Д-ра А. Н. Устинова, показали, что

„она легко переваривается и усваивается дѣтьми какъ старшаго, такъ и младшаго возраста, и въ особенности полезна для страдающихъ желудочно-кишечными расстройствами, такъ какъ при правильномъ употребленіи этой пищи, при строгомъ соблюденіи 4-хъ часовыхъ промежутковъ кормленія, отправления кишечника регулируются, у ребенка является спокойный сонъ, онъ крепнѣтъ и быстро прибываетъ въ вѣсъ.“

Одно изъ преимуществъ „Кёлеровской дѣтской молочной пищи“ заключается еще въ томъ, что она уже сама содержитъ молоко въ достаточномъ количествѣ въ сухомъ видѣ и поэтому при пользованіи ею нѣтъ надобности прибавлять ее къ молоку, которое не всегда можно имѣть одинаково доброкачественное и отъ здоровой коровы.“

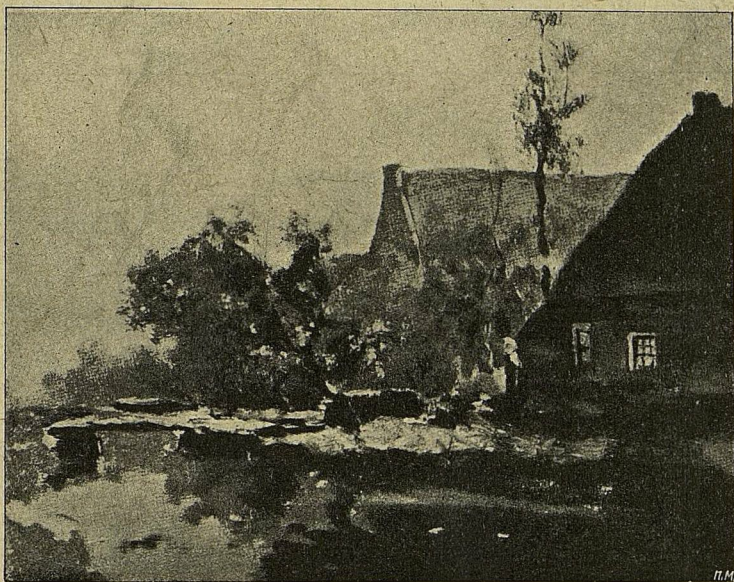
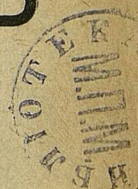
Столь-же благоприятныя отзывы объ „Дѣтской молочной пищѣ“ даны Профессоромъ Военно-Медицинской Академіи Н. П. Гундобинимъ, Главнымъ Докторомъ Николаевской Дѣтской больницы въ С.-Петербургѣ Н. К. Вяжлинскимъ и другими врачами, производившими надъ этой молочной пищей наблюденія.

Рамки газетнаго объявленія не позволяютъ излагать какъ научныя основанія, на которыхъ выработанъ этотъ препаратъ, такъ и химическій его составъ, а равно приводить подробныя удостовѣренія испытавшихъ его врачей-специалистовъ. Все это имѣется въ подробномъ описаніи, составленномъ заведующимъ отдѣленіемъ питательныхъ веществъ фабрики Товарищества „Р. Кёлеръ и К° въ Москвѣ“, изобрѣтателемъ этого препарата, докторомъ химіи К. Пале. Описаніе это раздается во всѣхъ магазинахъ Т-ва бесплатно.

Цѣна за фунтовую жестянку 1 руб. 20 коп.

ДѢТСКІЙ МІРЪ

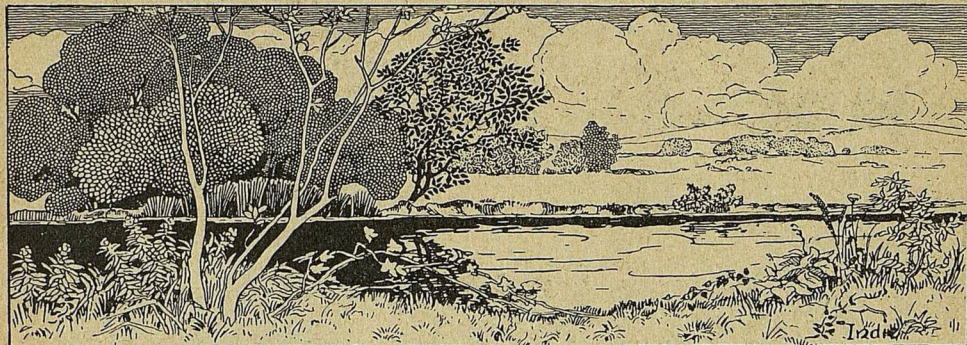
№ 14.

Вечеръ.

Карт. І. Вейсенбрукъ

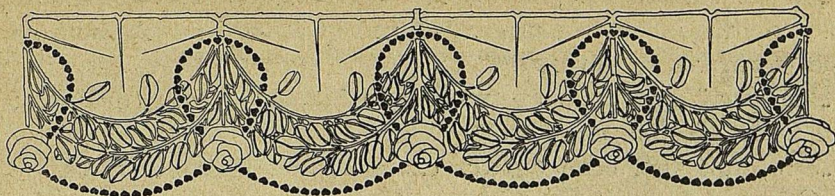
1 Августа
1907 г.

* * *

Въ бурю я люблю кататься
Въ углу, маленькомъ челнѣ
И безопасно предаваться
Счастью, вѣтру и волнѣ.
Все кругомъ меня бурливо,
Все опасности полно...
Сердце снова бьется живо,
Вновь полнѣй живетъ оно.
Чѣмъ сильнѣе и грознѣе
Волны пѣнятся спѣша,—
Тѣмъ спокойнѣй и ровнѣе
Обновленная душа.

Петровъ-Леонидовъ.

Гости.

Гл. II.

Что къ обѣду?

(Продолженіе).

Пока отводили мѣсто для щенка на кухнѣ, для попугая передъ окномъ въ столовой, а крысу въ клѣткѣ для безопасности заперли въ свѣтелочкѣ, подъ самой крышей, настала пора обѣдать.

Петровна поставила блюдо на столъ и собиралась снять съ него крышку, но Жоржъ схватилъ ее за руку.

„Ахъ, Петровна, не снимайте еще крышку! воскликнулъ онъ.

Петровна въ недоумѣніи поглядѣла на свою хозяйку.

„Мы еще не отгадали“, пояснилъ Жоржъ раньше, чѣмъ Марія Федоровна могла заговорить. „Я утверждаю, что это бифштексъ!“

„А я говорю, что это—котлеты!“ кричала Адя.

„А я—баланина!“ выкрикивалъ Бобъ.

„Теперь снимайте крышку, Петровна!“ скомандовалъ Жоржъ.

Негодующая Петровна повиновалась.

„Двѣ мелтвыя кулы!“ вскричалъ Бобъ. „Вотъ такъ скуплизъ!“

„Право, дѣти, встала, наконецъ, серьезно Марія Федоровна, начиная рѣзать жаркое, „мнѣ думается, что вы ведете себя очень дурно. Когда я была маленькой дѣвочкой, мнѣ не позволяли разговаривать за столомъ, развѣ, если меня о чемъ нибудь спрашивали. Когда же я забывала запретъ, то моя мама говорила мнѣ: „маленькихъ дѣтей слѣдуетъ за столомъ видѣть, но не слышать!“

Послѣ этого замѣчанія дѣти кушали молча, и очень скоро ихъ тарелки опустѣли.

„Не хочешь-ли еще, Бобикъ?“ спросила Марія Федоровна, собираясь отрѣзать ему новый ломтикъ курочки, но Адочка съ живостью отвѣтила за него:

„Не давай ему больше, тетя Маня! Няня всегда говоритъ: „оставьте мѣстечко для сладкаго!“

„Это, конечно, если будетъ сладкое, прибавилъ Жоржъ.

„Сладкое будетъ“, сказала улыбаясь, Марія Федоровна. „У насъ будетъ яблочный пирогъ“.

„А, тогда я оставлю два мѣстечка!“ заявила Адя, складывая вилку и ножикъ.

„А я—четыре!“ сказалъ Жоржъ.

„Сколько же мѣстечекъ у желудка?“ поинтересовался Бобъ.

„Тише, тише, Бобъ!“ возвысила голосъ Марія Федоровна, я право очень непріятно поражена. Если вы не будете хорошими дѣтками, я не возьму васъ на праздникъ, который имѣла въ виду для васъ“.

„Тетя Маня! Скажи, пожалуйста, какой, куда, когда?“ кричали всѣ трое въ одно время.

„Я хотѣла васъ свезти на пикникъ завтра. Тамъ будетъ много взрослыхъ и нѣсколько дѣтей. Но если вы хотите, чтобы я взяла васъ съ собой, вы должны обѣщать быть очень, очень милыми, послушными и хорошими дѣтьми“.

„Я буду лучше золота!“ рѣшилъ Жоржъ.

„И я тоже!“ присоединилась Адя.

„Я то же!“ прибавилъ Бобъ.

„Я бы хотѣла, чтобы скорѣе было завтра!“ вздохнула Адя. „Тетя Маня! Могу я одѣть бѣлое платье съ голубымъ кушакомъ.“

„Да, милая.“

Получивъ такой отвѣтъ, Адя заодно подняла голову, важно потряхнула кудрями и, гордо глядя на Жоржа, спросила:

„Ты хотѣлъ бы носить голубой кушакъ? Ты хотѣлъ бы носить бѣлое платье? Ты хотѣлъ бы...“

„Нѣтъ, не хотѣлъ бы! Я не люблю глупыхъ дѣвочкиныхъ вещей. А вотъ ты, какъ хотѣла бы, чтобы тебѣ остригли твой курчавый парикъ! Чтобы у тебя когда нибудь выросли усы! Чтобы...“

„Тише, тише, Жоржъ! Ты не долженъ такъ невѣжливо говорить съ сестрой.“

„Она хуже, чѣмъ сестра: она... она... надоѣла!“ пробормоталъ Жоржъ.

Марія Федоровна вышла изъ-за стола.

„Теперь, дѣти, вы можете идти играть въ садъ. Мнѣ нужно писать письма, но черезъ часъ, или два я выйду посмотрѣть, что вы дѣлаете“.

„Вотъ душка!“ сказалъ неожиданно попугай.

Марія Федоровна улыбнулась и дала ему кусокъ сахара, а дѣти весело побѣжали въ садъ.

Въ одномъ углу сада стояла хорошенькая бесѣдка. Бесѣдка эта была выстроена шестиугольникомъ, такъ что сзади нея, между двумя сторонами забора и одной стѣнкой бесѣдки получался треугольникъ.

Жоржъ вбѣжалъ въ бесѣдку, оглядѣлъ ее кругомъ и рѣшилъ:

„Какое глупое мѣсто! Мы здѣсь не можемъ играть! Я предлагаю самимъ выстроить бесѣдку“.

„Вотъ бѣжитъ мой Пушокъ!“ воскликнула Адя. Собачка забѣжала за бесѣдку и принялась лаять.

„Пойдемте за нею!“ продолжалъ Жоржъ и тотчасъ же сталъ пробираться сквозь кусты, посаженные по бокамъ бесѣдки.

Ему удалось протискаться между стѣнъ и онъ закричалъ:

„Ахъ, какое здѣсь дивное мѣстечко! Идите сюда! Мы здѣсь выстроимъ себѣ домикъ и никто не сможетъ сюда придти за нами!“

Адя и Бобъ пробрались къ нему и съ восторгомъ озирались въ своемъ новомъ владѣннн.

„Ахъ, какое великолѣпіе! У насъ будетъ чудесный домъ съ двумя входами и тремя стѣнками, намъ остается сдѣлать только крышу и скамейку.“

„Да“, подтвердилъ Жоржъ, „а на дворѣ лежитъ масса досокъ. Пойдемте, достанемъ нѣсколько изъ нихъ, онѣ какъ разъ подходящей величины. Идемте!“

Жоржъ впереди своего маленькаго отряда побѣжалъ на дворъ, гдѣ была сложена куча досокъ, оставленныхъ столяромъ, строившимъ курятникъ.

Послѣ двухъ-часовой тяжелой работы, дѣтямъ удалось собрать за бесѣдкой достаточно матеріала, чтобы сдѣлать сидѣніе вокругъ всей своей хижины, и Жоржъ, сильно разгоряченный и очень красивый, приступилъ къ настиланію крыши, когда послышался голосъ Маріи Федоровны, звавшій ихъ.

„Тише! прошепталъ Жоржъ, чувствуя въ первый разъ нѣкоторое сомнѣніе по поводу того, одобритъ ли тетя Маня его работу. Тише, не говорите ни слова!“

„Дѣти, дѣти, дѣти! раздавалось все яснѣе, по мѣрѣ того, какъ Марія Федоровна приближалась по дорожкѣ.

Она остановилась у входа въ бесѣдку и заглянула въ нее.

Дѣти затаили дыханіе: имъ казалось, что тетя должна ихъ увидѣть даже сквозь деревянные стѣны.

„Петровна увѣрена была, что они въ бесѣдкѣ,“ пробормотала Марія Федоровна, проходя дальше.

Однако не успѣла она дойти до садовой калитки, какъ одна изъ досокъ Жоржиной крыши провалилась, упала Адочкѣ на голову и такъ сильно задѣла ее по носу, что изъ носика потекла кровь.

Дѣвочка громко заплакала, щенокъ залаялъ и, когда Марія Федоровна добѣжала обратно, передъ ея удивленнымъ и возмущеннымъ взоромъ предстало самое жалкое тріо, пробирающееся сквозь кусты: Адя съ лицомъ и передникомъ, покрытыми кровью, слезами и грязью, Жоржъ съ разодранной курточкой, ссадинами и паутиной на лицѣ и рукахъ и, наконецъ, Бобъ, спереди довольно чистый, но сзади весь въ глинтъ и мхъ отъ, хорошо выбраннаго, сырого мѣстечка, на которомъ онъ сидѣлъ.

Марія Федоровна всплеснула руками.

„Вотъ что“, сказала она сердито, „одно вѣрно! Я не возьму васъ завтра на пикникъ!“

Отъ этой угрозы Адочка заплакала еще громче, а Бобъ присоединился къ ней.

„Но, тетя Маня“, сказалъ Жоржъ, „ни Адя, ни Бобикъ не виноваты. Я первый выдумалъ пойти за бесѣдку. Пожалуйста, пусть Адочка поѣдетъ на пикникъ: ее доской такъ больно ушибло!“

Услыхавъ это, лицо Маріи Федоровны нѣсколько просвѣтлѣло.

„Я очень рада видѣть, Жоржикъ“, сказала она, что ты не трусь, что ты говоришь правду и не боишься порицанія, когда заслужилъ его. Идите теперь къ Петровнѣ и умойтесь. О пикникъ же я еще подумаю“.

Гл. III.

Пикникъ.

На слѣдующее утро, около шести часовъ, Марію Федоровну внезапно разбудили голоса, доносившіеся къ ней съ трехъ сторонъ ея постели.

„Тетя Маня! Тетя Маня! Тетя Маня!

Марія Федоровна вздрогнула и открыла глаза.

На желѣзной спинкѣ ея кровати возсѣдалъ Жоржъ, въ то время, какъ Адя и Бобъ стояли по обѣ стороны. Они всѣ были въ ночныхъ рубашенкахъ.

Марія Федоровна сѣла на своей кровати.

„Что все это значитъ, дѣти?“ строго спросила она.

„Мы—мы только хотѣли узнать, возьмешь-ли ты насъ на пикникъ, или нѣтъ“, началъ Жоржъ.

„Потому что“, прибавила Адя, „Бобикъ всегда рѣшаетъ раньше, чѣмъ одѣнется, будетъ-ли онъ хорошимъ или дурнымъ мальчикомъ за день. Когда онъ говоритъ, что будетъ хорошимъ, онъ бываетъ ужасно милъ, но когда онъ собрался быть дурнымъ, то няня говоритъ, что онъ настоящій маленькій буянъ; ну вотъ онъ и хочетъ знать насчетъ пикника раньше, чѣмъ рѣшиться“.

„Если вы сейчасъ-же не вернетесь въ свои постельки и не будете спокойно дожидаться, пока Петровна придетъ васъ одѣвать“, возразила Марія Федоровна, „я, конечно, не возьму васъ. Что касается Боба, то онъ долженъ рѣшиться быть хорошимъ мальчикомъ каждый день, будетъ-ли пикникъ или нѣтъ. Такъ! Ну теперь маршъ“!

Всѣ трое, шлепая босыми ножками, вышли изъ комнаты.

Марія Федоровна улыбнулась, легла и снова проспала часокъ или два.

Во время утренняго чая дѣти вели себя прекрасно. Они были такъ милы и послушны, что Марія Федоровна предложила имъ присутствовать при томъ, какъ она будетъ укладывать корзинку, предназначенную для пикника.

„Не слишкомъ-ли велика эта корзина?“ спросила Марія Федоровна, входя въ сопровожденіи дѣтей въ кухню.

„Это единственная въ домѣ, сударыня“, отвѣтила Петровна, „тѣмъ лучше: можно положить больше соломы и этимъ предохранить стекло отъ боя“.

„Это правда“, согласилась Марія Федоровна. „Но все-же жалко, что она такъ велика; но дѣлать нечего. Принесите сюда бутылки лимонной, и содовой воды и всѣ стаканы изъ чулана“.

Дѣти съ большимъ интересомъ слѣдили, какъ Марія Федоровна и Петровна бережно заворачивали бутылки, и стаканы въ бумагу, и укладывали ихъ въ солому.

„Тетя Маня!“ наконецъ замѣтилъ Жоржъ. „На всѣхъ пикникахъ, на которыхъ мнѣ приходилось бывать, всегда было что-нибудь съѣдобное: куры или другія вкусныя вещи. Отчего же ты берешь только питье? Развѣ не будетъ пироговъ, пирожныхъ или лепешекъ?“

„О, не беспокойся, милый мой!“ объяснила Марія Федоровна, „тамъ будетъ достаточно ѣды. Видишь-ли, каждая дама привезетъ что-нибудь. Одна доставитъ мясо, другая пирожное, а я повезу стаканы и лимонадъ.“

Вдругъ Марія Федоровна остановилась и стала прислушиваться.

„Что тамъ такое?“

Изъ кладовой доносился громкій крикъ и голосъ Петровны:

„Бобикъ, не трогайте, оставьте! Ну, будьте-же хорошимъ мальчикомъ.“

Марія Федоровна, Жоржъ и Адя бросились въ кладовую. Тамъ они застали Боба съ огненно краснымъ лицомъ и широко раскрытымъ ртомъ. Онъ только что уронилъ лучший графинъ.

Марія Федоровна взглянула на осколки, разбросанные по полу и сказала:

„Бобъ, ты очень непослушный мальчикъ! Сегодня ты останешься дома: я не повезу тебя на пикникъ“.

Сказавъ это, Марія Федоровна съ очень сердитымъ видомъ вышла изъ кладовой, окончила укладываніе и приказала Ивану вынести корзину на дворъ. Затѣмъ она пошла къ себѣ, не обращая вниманія на Боба, который лежалъ на полу, на спинѣ, и оралъ сколько было силъ.

Крикъ его, однако, внезапно прекратился и слышно было, какъ всѣ трое дѣтей выбѣжали на дворъ.

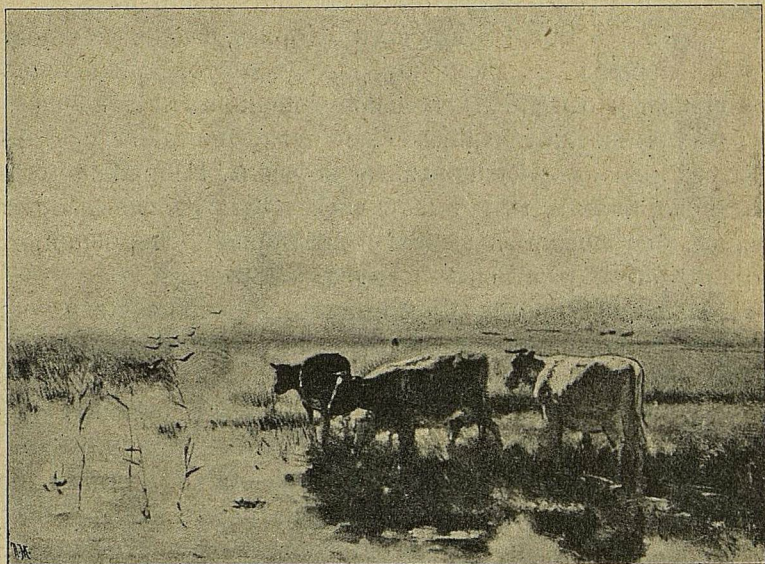
„Жоржъ и Адя!“ окликнула ихъ Марія Федоровна, „черезъ полчаса надо будетъ вамъ одѣваться.“

„Хорошо, тетя Маня,“ отвѣтилъ Жоржъ очень вѣжливо; „мы вернемся черезъ нѣсколько минутъ“.

Въ часъ Марія Федоровна вышла совершенно готовая въ путь.

Старикъ Иванъ въ это время устанавливалъ корзину въ шарбанъ, а Жоржъ и Адя стояли тутъ-же.

„Вы очень хорошо выглядите, дѣточки“, ласково проговорила Марія Федоровна, садясь въ экипажъ. Дѣйствительно, Жоржъ въ новомъ сѣромъ костюмчикѣ и Адя въ бѣломъ платьицѣ съ голубымъ поясомъ были такъ миловидны, что всякая тетушка пожелала-бы имѣть такихъ племянниковъ.

На водопоѣ.
Карг. В. Мари.

Проѣхавъ, приблизительно, съ четверть часа, они подѣхали къ тому лѣсу, гдѣ долженъ былъ состояться пикникъ.

„А! вотъ они!“ вскричалъ Жоржъ, вскакивая и указывая на развѣсистый дубъ, въ тѣни котораго уже стояло небольшое число дамъ и мушинъ и бѣгало нѣсколько мальчиковъ и дѣвочекъ.

Тутъ же на лужайкѣ была уже постлана скатерть, а вокругъ нея разбросаны распакованныя корзины. Шарабанъ остановился, Марія Федоровна и дѣти высадились. Пока взрослые подходили, здоровались, бесѣдовали и смѣялись съ Маріей Федоровной, Жоржъ и Адя стояли, робко разглядывая другихъ дѣтей.

Наконецъ, Марія Федоровна попросила Ивана принести и поставить около скатерти свою корзину. Затѣмъ она встала передъ нею на колѣни и стала развязывать крышку.

„А что вы привезли, дорогая моя?“ спросила одна дама, ставя форму желе на скатерть сзади Маріи Федоровны.

„Я привезла“, начала Марія Федоровна, затѣмъ поднявши крышку, она вскрикнула, подскочила и, попятившись, наступила на подолъ своей юбки, послѣ чего, потерявъ окончательно равновѣсіе, она тяжело сѣла въ самое желе: изъ корзины выскочилъ Бобъ съ очень краснымъ лицомъ и грязнымъ фартукомъ.

Всѣ присутствующіе разразились громкимъ смѣхомъ.

„Видишь-ли тетя Маня“, объяснилъ Жоржъ, „у насъ не хватило духа отправиться на пикникъ безъ бѣднаго, маленькаго Бобики—не было бы весело безъ него—такъ мы придумали сдѣлать тебѣ сюрпризъ, послѣ котораго ты бы не могла больше сердиться на него“.

„И“, продолжала Адя, „мы разбили только три стакана и одинъ графинъ, когда вынимали вещи. Мы были очень осторожны“.

„Я сейчасъ-же повезу васъ прямо домой!“ оправившись отъ неожиданности, воскликнула Марія Федоровна; но тутъ всѣ дамы и мужчины заговорили сразу, вымаливая Бобику прошеніе, и черезъ десять минутъ Бобъ уже сидѣлъ рядомъ съ тетей въ концѣ стола, или, правильнѣе сказать, въ концѣ скатерти, съ полной тарелкой разныхъ гостинцевъ.

Гл. IV.

Состязанія.

Послѣ завтрака, когда даже Бобъ почувствовалъ, будто кушакъ его слишкомъ стянутъ, дамы и кавалеры пошли пройтись по лѣсу, а

дѣти стали рѣзвиться и играть. Черезъ нѣкоторое время, одинъ господинъ предложилъ:

„Мальчики и дѣвочки, кто бы желалъ выиграть призъ?“

Понятно, услышавъ это, всѣ дѣти окружили его. Это былъ пожилой человѣкъ съ очень веселымъ и пріятнымъ лицомъ, въ бѣломъ жилетѣ и соломенной шляпѣ. Въ рукахъ у него была маленькая корзиночка, а въ ней множество пакетовъ различной величины.

„Ну, такъ идите всѣ, кто только умѣетъ бѣгать, прыгать, скакать, свистать. У меня для всѣхъ найдется призъ. Пойдемте вотъ на ту ровную лужайку около сосѣдняго поля и тамъ займемся спортомъ; а кто первый очутится по ту сторону калитки—получить первый призъ!“

Среди всеобщаго веселья и смѣха, вся толпа дѣтей, а съ ними и нѣсколько взрослыхъ, бросились бѣжать въ указанномъ направленіи, къ заветной калиткѣ. Калитка была заперта на ключъ и слишкомъ высока, чтобы было возможно перепрыгнуть черезъ нее. Поэтому здѣсь мальчики стали карабкаться и перелѣзать, но Бобъ, прибѣжавшій послѣднимъ, не задумываясь, бросился плашмя на землю и проползъ подъ калиткой такъ быстро, что среди всеобщаго ликовація, очутился на той сторонѣ раньше, чѣмъ даже самые проворные изъ мальчиковъ достигли верхняго края.

„Молодецъ, bravo, Бобъ!“ кричалъ пожилой господинъ, подходя къ группѣ: „Не всякій бѣгъ-проворному, не всякій поединокъ-сильному. Вотъ призъ!“

Бобъ ничего не понималъ изъ словъ господина, кромѣ того, что призъ будетъ выданъ ему, поэтому стоялъ передъ нимъ не сводя глазъ съ корзиночки, которую пожилой господинъ медленно открывалъ. Доставъ изъ нея прелестную коробку конфетъ, перевязанную голубой ленточкой съ изображеніемъ солдата на крышкѣ, веселый господинъ подъ громъ рукоплесканій передалъ ее Бобику.

Затѣмъ веселый господинъ объявилъ:

„Теперь бѣгъ въ три ноги. Призъ для дѣвочки—серебрянный наперстокъ, а для мальчика—перочинный ножъ въ три клинка. Выбирайте компаньоновъ и идите становиться въ рядъ“.

Въ этомъ состязаніи приняло участіе десять мальчиковъ и столько же дѣвочекъ. Они должны были бѣжать по-парно, причемъ правая нога мальчика связывалась съ лѣвой ногой дѣвочки около щиколотки. Бѣжать такимъ образомъ было очень трудно. Жоржикъ вы-

бралъ себѣ въ пары Адю, такъ какъ они дома часто упражнялись въ подобномъ бѣгѣ. Но никто не выбралъ Бобика, потому что онъ былъ такъ малъ. Онъ носился отъ одного къ другому, спрашивая не побѣжитъ-ли кто съ нимъ и, когда состязаніе началось, а у него все еще не было партнера, ему пришлось вернуться къ Маріи Федоровнѣ и съѣсть пять конфетъ одну за другой, чтобы не заплакать. Но мало по малу, наблюдая за ходомъ бѣговъ, онъ забылъ свое огорченіе.

Сначала Жоржъ и Адя бѣжали дружно, и шли впереди другихъ; они уже были увѣрены, что призъ будетъ присужденъ имъ, какъ вдругъ Адочка споткнулась на кочку и, потерявъ равновѣсіе и увлекая Жоржа за собой, упала на землю.

„Ахъ, какая ты неуклюжая!“ чуть не плакалъ Жоржъ. „Ну, вотъ теперь Ваня съ дѣвочкой въ локонахъ прибѣжали первыми!“

Адя отъ огорченія совсѣмъ не могла говорить. Ея красивое бѣлое платье было запачкано и помято; руку, при паденіи, она больно ушибла, но всего хуже было то, что чудный серебряный наперстокъ, который ей такъ хотѣлось выиграть, достался другой дѣвочкѣ.

„Теперь выбирайте дѣвочекъ“, кричалъ веселый господинъ, и совѣтую выбирать такихъ, которыя умѣютъ шить. Дѣвочки! вотъ иголки! Берите каждая по одной. Теперь становитесь всѣ въ рядъ здѣсь, а вы, мальчики, берите по ниткѣ и становитесь тамъ напротивъ дѣвочекъ. По данному сигналу каждый изъ васъ долженъ подбѣжать къ своей дамѣ и просить ее вдѣть свою нитку въ ея иголку, и кто первый принесетъ мнѣ вдѣтую иглу—получить награду“.

Опять бѣдный Бобъ метался, разыскивая себѣ даму, но никто не соглашался, пока Марія Федоровна не выразила желанія принять участіе въ этой игрѣ, такъ какъ въ ней не нужно было бѣгать, и встала въ парѣ съ Бобикомъ.

Она помѣстилась рядомъ съ дѣвочками, надѣла на носъ пенснэ и, держа иголку наготовѣ, стала ждать Бобика, который подбѣжалъ къ ней послѣ всѣхъ другихъ.

Руки маленькихъ дѣвочекъ такъ дрожали, что онѣ не могли быстро вдѣть нитку, къ тому же мальчики еще торопили ихъ возгласами: „Ахъ, пожалуйста, скорѣе! Что еще не вдѣлась? Да отчего же вы не закручиваете конецъ нитки?“ Руки же Маріи Федоровны были совершенно спокойны, такъ что она въ одинъ мигъ вдѣла нитку и подала ее Бобику. Такимъ образомъ онъ уже успѣлъ пробѣжать

половину разстоянія раньше, чѣмъ была готова одна изъ другихъ иголокъ.

На этотъ разъ Бобъ получилъ большую коробку оловянныхъ солдатъ, а Марія Федоровна—куклу, которую она отдала Адѣ, чтобы утѣшить ее.

„Теперь“, снова кричалъ веселый господинъ, „предпослѣднѣе состязаніе. Мальчики и дѣвочки становитесь вонъ туда, въ рядъ. Кто первый прискачетъ ко мнѣ на одной ногѣ, получитъ этотъ прекрасный письменный приборъ. Разъ, два, три, бѣги!“

Что тутъ было! Приходилось-ли кому видѣть такія скачки! Они, прямо какъ лягушки, прыгали высоко, далеко—но всѣхъ превзошелъ въ этомъ искусствѣ Жоржъ: онъ пришелъ на цѣлый аршинъ впереди другихъ.

Призъ былъ выданъ ему, и восторгъ его не имѣлъ границъ, когда, открывъ ящикъ, онъ увидѣлъ великолѣпную внутренность его; тамъ были и чернила, и чернильница, и ручка, и карандашъ, словомъ все.

Послѣдній номеръ былъ самый смѣшной. Веселый господинъ вынулъ изъ корзиночки множество бумажекъ, на которыхъ были написаны названія разныхъ мелодій. какъ напримѣръ: „Дѣти въ школу собирайтесь“, „Грибъ-боровикъ“, „Ахъ, попалась птичка“, и т. д., затѣмъ онъ положилъ ихъ въ шляпу и предложилъ каждому мальчику взять по запискѣ и затѣмъ встать въ рядъ на десять шаговъ отъ дѣвочекъ и свистать мотивъ, названный на его запискѣ. Та изъ дѣвочекъ, которая узнаетъ пѣсню, и получитъ призъ.

Тутъ поднялась такая невообразимая музыка, когда по данному сигналу, всѣ сразу засвистали! Дѣвочки разразились громкимъ смѣхомъ, которымъ стали заражаться мальчики, а такъ какъ невозможно смѣяться и свистать одновременно, то вскорѣ всѣ мотивы прекратились, кромѣ: „Жилъ былъ у бабушки“, который продолжалъ серьезно и настойчиво, какъ сѣрый попугай, насвистывать одинъ маленькій мальчикъ.

Несмотря на то, что онъ свисталъ очень плохо, Адя, узнавъ мотивъ, перебѣжала къ нему и сказала:

„Ахъ, я узнаю эту пѣсню, хотя вы свистите ее очень фальшиво.“

Адя была страшно довольна, когда ей подали серебряный свистокъ: она уже совсѣмъ потеряла надежду что-либо выиграть.

Послѣ всѣхъ этихъ забавъ надо было подумать о чаѣ.

Мѣсто было выбрано на мягкой травѣ, между молодыми березками, на берегу рѣки.

Недалекѣ зажгли огонь, приладили надъ нимъ три палки для подвѣшиванія котла, совѣмъ, какъ это дѣлають цыгане, затѣмъ постелили на берегу скатерть, поставили тарелки со сладкими пирожками; подали также землянику и сливки.

Чай прошелъ еще оживленнѣе, чѣмъ завтракъ, потому, что теперь уже всѣ перезнакомились и разговоръ, и смѣхъ заглушали даже неистовый трескъ огня.

Дѣти, отъ всѣхъ продѣланныхъ гимнастическихъ упражненій, были голодны какъ кролики, слѣдствіемъ чего было то, что пирожки и ягоды исчезали съ самой невѣроятной быстротою.

Наконецъ, старикъ Иванъ подаль шарабанъ. Марія Федоровна встала и провозгласила:

„Ну, теперъ, Жоржъ, надо ѣхать. Ты еще не кончилъ?

„Я кончилъ, но еще не готовъ“, отвѣтилъ Жоржъ, грустно переводя глаза со своей пустой тарелки на блюдо, гдѣ еще лежала горсточка земляники.

Марія Федоровна, однако, не обратила вниманія на его замѣчаніе. Она стала прощаться съ другими дамами и господами, затѣмъ, положивъ руку Бобу на плечо, проговорила:

„Теперь, дѣтишки, торопитесь. Правоужестановится поздно. Когда мы доберемъ до дому, уже будетъ время вамъ ложиться спать.“

„Да“, подхватилъ веселый господинъ, „всѣ маленькіе цыплята ложатся спать съ заходомъ солнца!“

„Да“, сказалъ Бобъ, но стальные пѣтухи и кулы ложатся съ ними“.

„Это былъ самый веселый пикникъ въ моей жизни! воскликнулъ Жоржъ, когда они ѣхали домой. „И развѣ ты не рада, тетя Маня, что Бобъ не пропустилъ всего этого веселья?“

„Да, я очень рада“, сказала Марія Федоровна и сердечно поцѣловала сидѣвшаго у нея на колѣняхъ Бобика. Онъ былъ такъ счастливъ и такъ утомленъ, что даже не могъ разговаривать. Однако, черезъ нѣсколько минутъ онъ обвилъ рученками шею Маріи Федоровны и пробормоталъ соннымъ голосомъ: „Я тебя юбю, тетя Маня“, послѣ чего головка его склонилась къ ней на грудь и онъ крѣпко заснулъ.

„Тетя Маня“, начала на слѣдующее утро Адя: Я бы хотѣла знать, какое ты на сегодня намъ придумала веселье?

„Милая“, отвѣтила Марія Федоровна, „ты не должна каждый день ожидать увеселеній!“

„Отчего же нѣтъ?“ спросилъ Жоржъ.

„Потому что, имѣя слишкомъ много веселья, мы теряемъ охоту работать. Игра же предназначена только, какъ отдыхъ послѣ работы. Только совсѣмъ маленькія дѣти могутъ постоянно играть. По мѣрѣ того, какъ мы становимся старше, мы все больше и больше работаемъ, и все меньше, и меньше играемъ, потому что у каждого есть свое дѣло въ жизни“.

„Я думалъ, что только бѣдные люди должны работать“, сказалъ Жоржъ.

„Нѣтъ. У каждого есть своя работа, богатъ онъ или бѣденъ: люди должны стараться устроить жизнь лучше и счастливѣе для всѣхъ.“

Проговоривъ это очень серьезно, Марія Федоровна допила свою чашку чаю и прибавила, улыбаясь:

„Но, случайно, у меня есть сегодня что-то въ виду для васъ“.

„Ахъ, тетя Маня, что это? Скажи!“ просилъ Жоржъ.

„Я знала, что что-нибудь да есть, сказала Адя важно встряхивая кудрявою головкой, потому что я слышала, что дама въ зеленомъ платьѣ, сказала тебѣ что-то, насчетъ того, что ея дѣти пріѣдутъ сегодня сюда.“

„Да“, отвѣтила Марія Федоровна, я пригласила маленькихъ Николаевыхъ и Андреевыхъ провести день съ вами. Ну-ка придумайте, какъ всего лучше занять ихъ!

„Давайте играть въ прятки“, предложила Адя.

„Видишь-ли, милая, я бы предпочла, чтобы вы не играли въ эту игру, потому что мой садикъ такъ красивъ и старательно разукрашенъ цвѣтами, что мнѣ бы не хотѣлось, чтобы дѣти, бѣгая, испортили его. Я думаю, что было бы очень весело устроить бумажную травлю на лугахъ и въ заросляхъ, лежащихъ за домомъ, и вернуться сюда къ чаю“.

„Ахъ, это будетъ интересно!“ закричалъ Жоржъ.

„Можно мнѣ быть зайцемъ? И гдѣ можно намъ взять газетной бумаги, чтобы нарвать для „слѣда“!“

„Я сейчасъ достану“. сказала Марія Федоровна, вставая. Черезъ

минуту она принесла цѣлую кучу старыхъ газетъ и прелестную, маленькую сумку.

Утро пролетѣло очень и незамѣтно для дѣтей, торопившихся изрѣзывать бумаги мелкими кусочками. Въ три часа пріѣхали Николаевы и не успѣли поздороваться, какъ подошли и Андреевскіе мальчишки.

Услыхавъ о предполагаемой „бумажной травлѣ“, всѣ пришли въ восторгъ.

„Кто будетъ зайцемъ?“ спросилъ девятилѣтній Федя Николаевъ, слышій лучшимъ бѣгуномъ въ школѣ. „Я бы хотѣлъ быть зайцемъ“.

„Но „зайцемъ“ буду я!“ поспѣшилъ заявить Жоржъ, протягивая руку къ сумкѣ.

„Ты не можешь такъ шибко бѣгать, какъ я!“ возразилъ Федя.

„Нѣтъ могу, вотъ увидишь“, не уступалъ Жоржъ.

„Тише, дѣти, тише!“ Вмѣшалась Марія Федоровна. „Есть-ли между вами еще желающій быть „зайцемъ“?“

Но всѣ остальные предпочитали быть „собаками“. Тогда Марія Федоровна объявила:

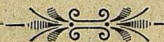
„Мы рѣшимъ по жребію, кому быть „зайцемъ“. Смотрите сюда, Жоржъ и Федя, вотъ двѣ бумажки различной длины: кто изъ васъ вытащитъ болѣе длинную, тотъ и будетъ „зайцемъ“! Федя, ты, какъ гость, можешь тянуть первый“.

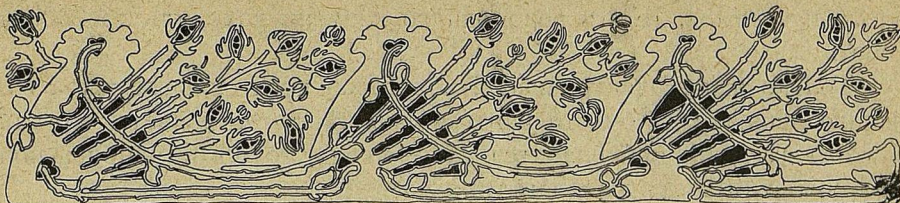
И Марія Федоровна протянула руку, изъ которой торчали двѣ бумажки.

Федя, напряженно разглядывая ихъ, ухватился за одинъ конецъ, послѣ чего Жоржъ взялъ другой.

„Мой длиннѣе!“ закричалъ Жоржъ. „Я „заяцъ“! Онъ схватилъ сумку и вскинулъ себѣ на плечо. „Теперь, тетя Маня, дай мнѣ десять минутъ, чтобы отбѣжать, тогда—лови меня кто можетъ!“ и пустился бѣжать по аллеѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Ошибка.

Истинное происшествіе.

На свѣтѣ существуетъ газъ, который называется *водородомъ*. Водородъ такъ-же чистъ, прозраченъ, невидимъ, безвкусенъ и не имѣетъ запаха, какъ и тотъ воздухъ, который насъ окружаетъ. Мало того: вы знаете, какъ легокъ воздухъ? Въ большой комнатѣ его помѣщается всего около одного пуда. Водородъ же еще легче воздуха въ 15 разъ.

Какъ пузырь, надутый воздухомъ, всплываетъ на поверхность воды, потому что онъ легче ея, такъ пузырь, надутый водородомъ на землѣ, стремится подняться все выше и выше отъ земли, въ верхніе слои воздуха.

Кто изъ васъ не знаетъ, что люди умѣютъ дѣлать воздушные шары или аэростаты, на которыхъ можно подняться вверхъ верстъ на восемь и болѣе? Эти шары дѣлаются изъ легкой, но непроницаемой шелковой матеріи и надуваютъ ихъ водородомъ. Снизу къ воздушному шару подвѣшиваютъ корзину, въ которой помѣщаются люди, желающіе подняться вмѣстѣ съ шаромъ на высоту.

Итакъ, люди, узнавъ, что водородъ есть самый легкій изъ всѣхъ газовъ, воспользовались этимъ, чтобы соперничать съ орлами въ высотѣ полета. Но не дай Богъ, если полетѣвшіе на аэростатѣ люди какъ нибудь по неосторожности зажгутъ водородъ въ шарѣ! Ничто не горитъ такъ сильно и съ такимъ жаромъ, какъ водородъ. Жаръ пламени керосина, спирта или бензина — шутка по сравненію съ жаромъ водороднаго пламени. Въ немъ плавятся *) всѣ металлы, даже

*) Если воскъ или стеаринъ отъ жару дѣлается жидкимъ, какъ вода, тогда говорятъ, что онъ расплавился. Можно расплавить олово и свинецъ въ черепкѣ на горячихъ угляхъ. Мѣдь-же на горячихъ угляхъ уже нельзя расплавить, потому что она плавится отъ болѣе сильнаго жара, чѣмъ жаръ горячихъ углей.

золото и платина. Жаръ водороднаго пламени доходить до 2800 градусовъ.

Только жаръ электрической вольтовой дуги сильнѣе жара водороднаго огня (когда будете учиться физикѣ, тогда узнаете, что такое вольтова дуга; въ ней плавится даже уголь, который вообще почти невозможно бываетъ расплавить).

Водородное пламя хотя и горячее чрезвычайно, но оно не свѣтитъ. Днемъ его даже трудно разсмотрѣть. Оно блѣдное, синеватое. Но если на этомъ темномъ огнѣ нагрѣть кусокъ мѣлу, то онъ такъ разогрѣется, что станетъ свѣтиться ослѣпительно-яркимъ, бѣлымъ, какъ солнце, свѣтомъ. Съ этимъ свѣтомъ не можетъ спорить даже электрическій свѣтъ.

Когда водородъ горитъ, то онъ не даетъ ни дыму, ни копоти, а только невидимые водяные пары. Поэтому, если надъ пламенемъ горящаго водорода подержать холодный стаканъ, то онъ покроется капельками воды, какъ все равно надъ самоваромъ. Поэтому-то водородъ и называется водородомъ, что онъ рождаетъ воду, когда горитъ.

* *
*

Когда мнѣ было 12 лѣтъ, я прочиталъ про водородъ изъ разныхъ книгъ то, что только-что сейчасъ рассказалъ вамъ и мнѣ сильно захотѣлось самому добыть водородъ. Благодаря этому, я иногда долго не могъ заснуть въ постели, когда моя голова была занята мыслями о водородѣ, о его легкости и о силѣ его пламени. Разныя у меня являлись тогда мысли и желанія.

То мнѣ хотѣлось сдѣлать себѣ небольшой воздушный шаръ, подняться въ немъ во время грозы выше облаковъ, посмотрѣть вблизи молнію, услышать громъ, увидѣть, какъ зарождаются дождевыя капли, снѣжинки и градъ.

То мнѣ хотѣлось на водородномъ пламени плавить разные камни и металлы и посмотрѣть, что изъ этого выйдетъ. Я читалъ, что давно когда-то жили алхимики, которые хотѣли превращать дешевые металлы (железо, мѣдь, свинецъ и пр.) въ драгоценное золото. Для этого имъ нужно было найти особенный философскій камень и если этотъ камень положить въ расплавленный простой металлъ, то онъ превратитъ его въ золото.

„Можетъ быть, — думалъ я: — старые алхимики только потому и

не научились дѣлать золото, что не пользовались страшнымъ жаромъ водороднаго огня? Вѣдь они плавили свинецъ и мѣдь на своихъ горнахъ и жаровняхъ! Ахъ, если-бы я имѣлъ въ своемъ распоряженіи водородъ, я бы повторилъ всѣ опыты старыхъ алхимиковъ, непременно нашелъ бы философскій камень и при помощи его всѣ металлы въ моихъ рукахъ быстро и послушно превращались бы въ золото!“

Само собою понятно, что когда въ головѣ засядутъ подобныя мечты, то заснуть бываетъ трудно, даже невозможно. Мысли мои находились въ самомъ напряженномъ состояніи. Я перечитывалъ всѣ книги, гдѣ писалось хоть что-нибудь о водородѣ; и все это я дѣлалъ тайно ото всѣхъ. Какъ я боялся, что кто-нибудь узнаетъ мои мысли и похититъ ихъ! Что если кто-нибудь раньше меня примѣнитъ водородъ для добыванія золота? О, моя гордость не перенесла бы подобнаго удара!

И вотъ, держа въ строжайшей тайнѣ отъ другихъ людей свою секретную идею необыкновенной важности, я по ночамъ мечталъ о тѣхъ счастливыхъ временахъ, когда я надѣлаю очень много золота, больше, чѣмъ есть желѣза. Отъ этого оно перестанетъ быть драгоценнымъ. Денегъ больше не будетъ! Не будетъ ни скупыхъ, ни богатыхъ, ни нищихъ. Люди не будутъ ни торговать, ни покупать, ни продавать, а будутъ мѣняться своими издѣліями. Жизнь измѣнится совершенно!

Часто, охваченный такими думами, я не могъ заснуть до самаго разсвѣта. На постели мнѣ казалось душно, неловко, досадно, что-то мѣшало лежать и я вставалъ. Одѣвшись кой-какъ, я уходилъ въ лѣсъ, который былъ за нашимъ огородомъ и который я зналъ такъ же хорошо, какъ свой садъ.

* *
* *

Однажды лѣтомъ мнѣ не спалось такъ-то и я, одѣвшись, вышелъ сначала на огородъ, потомъ въ лѣсъ. Здѣсь я встрѣтилъ мальчика лѣтъ 16, который въ рукахъ держалъ книгу. Я подошелъ къ нему. Это былъ сынъ нашего учителя. Онъ учился въ городѣ, а на лѣто пріѣзжалъ къ отцу въ школу, которая стояла недалеко отъ нашей хижины.

— Какая это у васъ книга?—спросилъ я его.

— Химія,—отвѣтилъ онъ.

— Покажите мнѣ,—попросилъ я.

Мальчикъ подаль мнѣ свою химію, которую я сейчасъ же раскрылъ и сталъ просматривать.

Господи! Что я тамъ увидѣлъ! Что это за книга! Тамъ написано и про алхимиковъ, и про сѣру, и про порохъ, и про золото и про... про водородъ!..

— Федя,—обратился я къ нему:—голубчикъ, дайте мнѣ химію на сегодняшній день!

— Да я ее самъ читаю. Но, пожалуй, на одинъ день возьми.

Отъ радости у меня буквально сперло дыханіе. Я не зналъ, какъ и благодарить Федю. Поговоривъ съ нимъ еще немного про химію, но не открывая ему своей завѣтной мечты, я поспѣшно убѣжалъ домой, чтобы немедленно же, руководствуясь книгой, научиться приготавливать водородъ, зажигать его и приступить къ своимъ алхимическимъ опытамъ.

Придя домой взволнованнымъ, но счастливымъ, я легъ на постель, положилъ на себя химію и отъ счастья закрылъ глаза. Мнѣ казалось, что я думаю и мнѣ было хорошо. Не знаю, долго-ли я лежалъ такъ, потому что незамѣтно для себя заснулъ и во снѣ видѣлъ, какъ я расплавляю свинецъ на водородномъ пламени, какъ онъ кипитъ у меня въ тиглѣ *), какъ я туда всыпаю одному мнѣ извѣстный порошокъ и свинецъ сразу дѣлается золотомъ.

Когда солнце поднялось уже довольно высоко и мухи стали лѣзть ко мнѣ въ носъ и въ глаза, я проснулся. Сперва я было подумалъ, что лѣсъ, Федю, химію и превращеніе свинца въ золото — все это я увидѣлъ во снѣ, наскоро разобрался, что мнѣ снилось и что я видѣлъ наяву. Около меня лежалъ толстый томъ въ черномъ переплетѣ съ надписью: „химія“. Ахъ, какъ мило мнѣ это слово! Вѣдь эта наука укажетъ мнѣ, какъ дѣлать золото! А научившись дѣлать золото, я сдѣлаю его дешевымъ металломъ. Люди, имѣющіе нѣсколько фунтовъ золота, перестанутъ считаться богатыми. Изъ золота будутъ дѣлать грузила для удочекъ и гири для вѣсовъ. Люди заживутъ по-иному. Какую вѣчную благодарность я заслужу съ ихъ стороны! Какіе великолѣпные памятники изъ чистаго золота будутъ красоваться на главныхъ улицахъ лучшихъ городовъ человѣку, который уничтожилъ власть золота!

*) Тигель — небольшой горшочекъ изъ огнеупорной глины, въ которомъ химики плавятъ металлы.

Я принялся читать химію и именно главу о водородѣ. Какъ добыть водородъ? — вотъ главный вопросъ, который мучилъ меня! Мнѣ лишь бы добыть водородъ, пустить его по трубочкѣ, на концѣ зажечь и получить пламя въ 2800°. А ужъ тамъ я перепробую всѣ металлы, всѣ камни и узнаю, какъ сдѣлать золото въ землѣ, когда она была еще горячая. Богъ поможетъ мнѣ въ этомъ, потому что не для обогащенія своего я хочу дѣлать золото, а чтобы уничтожить зло на землѣ, которое отъ золота происходитъ, чтобы всѣ жили такъ же просто, здорово и счастливо, какъ жили люди когда-то, въ глубокую старину, чтобы вездѣ лѣса шумѣли, чтобы рѣки сдѣлались полноводнѣе, чтобы у каждой семьи былъ свой домикъ, свой садъ, своя пасѣка, чтобы не было голодныхъ и бездомныхъ...

О, сколько великихъ, блестящихъ надеждъ я, 12-ти лѣтній мальчикъ, возлагалъ на этотъ легкій и горючій газъ, называемый водородомъ!

Однако, вернусь къ „химіи“. Съ жадностью прочитывая каждую строчку этой чудесной книги, я узналъ, что газъ, поглотившій все мое вниманіе, — водородъ легко добыть дѣйствіемъ кислоты на металлъ. Стоитъ только взять какой-нибудь металлъ, напримѣръ, кусочки цинка или желѣза, положить ихъ въ бутылку и облить разведенною въ водѣ сѣрною кислотою, какъ тотчасъ-же отъ дѣйствія кислоты кусочки металла покроются пузырьками водорода. Пузырьки эти будутъ всплывать вверхъ и изъ бутылки будетъ выходить водородъ. Чтобы удобнѣе было собирать или зажигать его, горло бутылки нужно заткнуть пробкой, въ которую вставлена тонкая стеклянная трубка; по этой трубкѣ газъ будетъ выходить изъ бутылки. У конца трубки его можно и зажечь, если нужно кому получить пламя въ 2800 градусовъ жару.

Время не терпитъ! Книга будетъ въ моемъ распоряженіи только сегодня,—надо же скорѣе научиться добывать водородъ!

Не долго думая, я наскоро досталъ себѣ четвертную стеклянную бутылъ, горсть цинковыхъ обломковъ и желѣзныхъ опилокъ, стеклянную трубочку, пробку и пузырекъ сѣрной кислоты или такъ называемаго купороснаго масла. Всѣ эти матеріалы я собиралъ въ разныхъ мѣстахъ: и у учителя, и въ лавкѣ, и дома. Продѣлавъ въ пробкѣ дырочку, я туго вставилъ туда стеклянную трубку.

Но, къ сожалѣнію, это мнѣ только казалось... Не поспѣши я добывать водородъ, сдѣлай я это дѣло обдуманнѣе, я бы не былъ

теперь кривымъ и смотрѣлъ бы на міръ Божій, какъ и всѣ люди, двумя глазами!

* * *

Лишь только я влилъ въ бутылъ разведенной сѣрной кислоты, какъ она перемѣшалась съ кусками цинка и опилками, вся эта смѣсь закипѣла, какъ на огнѣ и водородъ миллионами пузырей сталъ выдѣляться изъ потемнѣвшей жидкости. Я поспѣшилъ заткнуть бутылъ пробкой, снабженной трубочкой и сейчасъ же вытеръ спичку и пламя ея приблизилъ къ трубкѣ. Тутъ произошло нѣчто ужасное, чего я никакъ не ожидалъ. Даже теперь, много лѣтъ спустя, не могу безъ содроганія вспомнить того ужаса, которымъ наполнилось тогда все существо мое!

Раздался оглушительный взрывъ, сильнѣе и страшнѣе котораго я не могу себѣ представить и я, окровавленный, какъ снопъ, безъ чувствъ повалился на полъ. Казалось, что не только я, нашъ домъ и наше село, но и весь міръ погибъ отъ этого взрыва! По крайней мѣрѣ, мнѣ казалось такъ, когда я падалъ, пораженный и оглушенный взрывомъ.

Когда меня привели въ чувство, я узналъ, что осколкомъ стеклянной бутылки у меня вышибло глазъ и что я теперь на всю жизнь останусь кривымъ. Острая боль въ моемъ глазу не могла итти въ сравненіе съ ощущеніемъ той горькой обиды, которая овладѣла моимъ сердцемъ: мнѣ было до слезъ жалко своего глаза, было обидно, больно и я проливалъ обильный потокъ слезъ изъ моего единственнаго глаза, въ то время, какъ другой обливался кровью...

Одежда моя вся была облита сѣрною кислотой и сыпалась, какъ зола.

* * *

Узнавъ о постигшемъ меня несчастіѣ, Федя пришелъ навѣстить меня.

— Чудакъ ты, — сказалъ онъ: вѣдь ты взорвалъ *гремучій газъ*! Надо же было быть такимъ сумасшедшимъ, чтобы подъ самымъ своимъ носомъ взорвать бутылъ съ *гремучимъ газомъ*!

— О какомъ *гремучемъ газѣ* вы говорите?—спросилъ я его, озадаченный.

Долженъ сознаться, что я, дѣйствительно, никогда не слышалъ

о гремучемъ газѣ и поэтому удивленно посмотрѣлъ на Федю своимъ глазомъ.

— О. несчастный! Онъ даже не зналъ, что такое гремучій газъ, а еще взялся производить опыты съ водородомъ!

И Федя съ презрѣніемъ и съ насмѣшкой посмотрѣлъ на меня. Но такъ какъ Федя пользовался въ моихъ глазахъ сильнымъ авторитетомъ, то я даже и не подумалъ обидѣться на него за этотъ взглядъ.

— Ну, слушай-же,—продолжалъ онъ:—гремучій газъ—это смѣсь водорода съ кислородомъ. Кислородъ есть въ воздухѣ, а воздухъ былъ въ бутылѣ, когда ты зажегъ газъ. Когда ты началъ добывать водородъ, то эти два газа внутри бутылѣ перемѣшались и у тебя тамъ получился этотъ самый гремучій газъ, который чуть не убилъ тебя. Благодаря Бога, что дешево отдѣлался!

Это для меня было уже совсѣмъ ново.

— Почему же въ „химіи“—то вашей ни слова нѣтъ объ этомъ?—вспылилъ я, наконецъ.

— А ну, смотри-ка сюда,—сказалъ Федя, раскрывая книгу:—здѣсь чернымъ по бѣлому написано вотъ что—читай!

Своимъ единственнымъ окомъ я прочелъ въ раскрытой книгѣ слѣдующее:

„Выходящій изъ трубки газъ и есть водородъ, но не чистый, а смѣшанный съ воздухомъ, который остался въ бутылкѣ. Такая смѣсь называется гремучимъ газомъ; это—опасная взрывчатая смѣсь. Прежде, чѣмъ зажечь выходящій изъ трубки водородъ, нужно выждать нѣсколько времени, пока въ бутылкѣ совсѣмъ не останется воздуха, иначе весь приборъ взорветъ“.

Правда, я не читалъ этого. Я такъ спѣшилъ добыть водородъ, что не успѣлъ даже прочесть всей главы о немъ, а дочиталъ до того самого мѣста, которое мнѣ только что показалъ Федя. Теперь я увѣрился, что не книга виновата въ моемъ несчастіи, а моя торопливость и предпочелъ замолчать.

* * *

Когда мой глазъ зажилъ, мы съ Федей стали большими друзьями и начали вмѣстѣ заниматься химіей. Однажды я открылъ ему свой секретъ. Долго и съ жаромъ я доказывалъ ему, что при помощи

водорода можно добиться превращенія простыхъ металловъ въ золото и Федя не менѣе меня увлекся этой работой. Въ пустомъ подвалѣ подъ школой мы производили свои алхимическіе опыты. Сколько камней и металловъ перепробовали мы съ нимъ на огнѣ горящаго водорода!

— А золото добыли?—спросить читатель.

— Это узнаете послѣ,—отвѣчу я ему.

И. Воскобойниковъ.

С и р о т а.

Разсказъ.

I.

На дворѣ день солнечный, яркій, теплый...

Но въ подвалѣ, въ крохотной кухнѣ царитъ темный сумракъ. Жестяная лампочка, привѣшенная на гвоздь къ стѣнѣ, горитъ слабымъ огонькомъ. Желтый свѣтъ огня не достаетъ до дальнихъ угловъ кухни и яркимъ пятномъ лежитъ у окна, на сгорбившейся надъ корытомъ дѣвочкѣ.

Параша склонилась надъ корытомъ и усердно полоскаетъ въ подсиненной водѣ бѣлье. Но вотъ она разогнула спину, закинула край мокрой простыни себѣ на плечо, а другой—маленькими, сморщенными отъ долгаго пребыванія въ водѣ руками, свернула въ жгутъ.

По виду Парашѣ лѣтъ одиннадцать; личико у ней смуглое, съ грустными, карими глазами. Она маленькая, худенькая, жалкая какая-то, словно никогда радости не знала. И въ лицѣ, и въ движеніяхъ ея было что-то серьезное, не дѣтское—и это еще ярче отбѣняло въ ней несчастную горемыку.

Нежданно дверь съ улицы отворилась и въ кухню ворвался свѣтлый лучъ солнечнаго дня; но дверь захлопнулась и проглотила дневной свѣтъ. Въ кухнѣ попрежнему воцарился темный сумракъ. На порогѣ остался крошечный мальчикъ, круглолицый, румяный, съ черной шкваркой на носу.

На глазахъ у него были слезы. Онъ держалъ въ рукахъ бумажку и нитку.

— Паласка! захныкаль онъ.—Пливязы змѣй.

Параша оторвалась отъ корыта, вытерла руки о край передника и взяла у мальчика нитку и бумажку.

— Ты не мочи-и...

Змѣй привязанъ.

— Пускай ступай, а мнѣ полоскать надо,—сказала Параша, вы-
проваживая мальчика изъ кухни.

— Я ѣсть хочу,—капризно заблажилъ мальчикъ.—Дай хлѣба.

— У меня нѣтъ хлѣба. Ступай у матери проси.

— Мамка!—закричалъ мальчикъ.

Въ кухню вошла молодая женщина, высокая, съ взлохмаченными русыми волосами на головѣ, въ неопрятно застегнутой на груди кофтѣ.

— Миша! по чемъ плачешь?

— Хлѣба,—плаксиво протянулъ мальчикъ.

— А ты, рохля, не могла дать хлѣба?—накинулась на Парашу женщина.

— Не дала, не дала, а дала бы, сказала бы, что я сама съѣла,—огрызнулась Параша.

— Поогрызайся!..

— Руки не хоца марать объ этакую паршивку, я бѣ тебѣ показала...

Пока мать бранила Парашу, Миша порылся въ столѣ и, завладѣвъ порядочнымъ кускомъ чернаго хлѣба, выбрался на улицу.

Въ кухнѣ стало тихо. Только говорливо переливалась въ корытѣ вода. Параша полоскала бѣлье и складывала его подлѣ себя на табуретѣ. Она попрежнему была скучная, жалкая, словно придавленная тяжкимъ горемъ...

Параша была круглая сирота. Приѣмные родители—Прохоръ и Арина, нерѣдко бросали ей въ лицо злые упреки. Они говорили Парашѣ, что родная мать ее крошкой бросила подъ заборомъ. Они взяли ее изъ воспитательнаго дома, выкормили. И попрекали, что паршивая Парашка не помнитъ ихъ благодѣяній.

Но Параша до сыта напилась горечи благодѣяній приѣмныхъ родителей...

Прохоръ и Арина жили некрасно. Прохоръ занимался сапожнымъ ремесломъ, зарабатывалъ гроши. Арина управлялась съ хозяйствомъ по дому. Десять лѣтъ назадъ Арина и Прохоръ были молоды,

сильно надѣялись на свои рабочія руки. И вздумали они взять себѣ на воспитаніе сироту. Заявили о своемъ желаніи въ воспитательный домъ и получили на воспитаніе Парашу.

Время проходило, Параша выросла. Арина и Прохоръ мало видѣли удачі въ трудовой жизни, ихъ рабочія руки добывали только на хлѣбъ. Но случался черный день—Прохоръ забаливалъ или терялъ работу,—тогда семья роднилась съ жестокимъ голодомъ.

Потомъ у Арины и Прохора сталъ подростать Миша. Любовь материнская и отцовская съ Парашы перешла на родного сына.

Время проходило. Нужда сильнѣе прижимала Прохора и Арину. Не подъ силу имъ стало выращивать двоихъ дѣтей, и они просто озлились на чужую сироту Парашу.

Прохоръ смотрѣлъ на Парашу, какъ на огромную обузу, загораживавшую ему путь къ счастью, и ярко желалъ, чтобъ дѣвочка умерла или какъ-нибудь по другому скрылась изъ глазъ, только бы скрылась. Онъ равнодушно глядѣлъ на страданія, что выпадали на долю дѣвочки. Родного сына онъ всегда привѣчалъ, припрятывалъ для него за обѣдомъ сладкій кусокъ, а Парашу забывалъ подарить даже ласковымъ словомъ. Когда Арина била Парашу, онъ не заступался. Нѣтъ, но еще находилъ въ себѣ силъ пожурить сироту.

— Не хнычь, Парашка, вѣдь мы тебѣ замѣсто отца и матери,—говорилъ онъ.—Не понимаешь ты нашей доброты. Добра тебѣ хотимъ, а ты не понимаешь.

Арина глядѣла на Парашу другими глазами, чѣмъ Прохоръ. Она строго приказывала Парашѣ называть себя матерью, а сама была сиротѣ злой мачихой. Родного сына она любила, баловала и сластями и обновами, но Парашу держала въ черномъ тѣлѣ и охотно била.

Она рассчитала, что изъ дѣвочки, умѣючи, можно выжимать пользу. И выжимала. Заставляла отъ зари до зари работать по дому, родного сына нянчить, а недавно придумала посылать ее на улицу христорадничать.

Прохоръ сперва смотрѣлъ на затѣи жены неласково. А потомъ увидалъ, что Параша помаленьку приносить въ семью пользу, и обрадовался.

.....

Много-много горя испытала Параша въ свою короткую сиротскую жизнь. И нерѣдко обездоленная дѣвочка задумывалась о своей родной матери. Она думала, что родная мать добрая-добрая. О, если

бы только сыскать ее родимую, любимую... И было непонятно, какъ темное пятно на темномъ фонѣ, зачѣмъ родная мать бросила ее крошку у забора, оставила чужимъ людямъ...

Параша взвалила на плечи мокрое бѣлье и пошла изъ кухни. На дворѣ она стала дѣловито развѣшивать бѣлье по веревкамъ.

Солнце ярко свѣтило. Было тепло. По двору звенѣли веселые голоса играющихъ малышей.

Параша развѣсила бѣлье и остановилась на порогѣ, не торопясь уходить въ сумрачную кухню. Она завистливо глядѣла на скучившихся посреди двора мальчиковъ и дѣвочекъ, о чемъ-то оживленно тараторившихъ, глядѣла въ голубое, безоблачное небо, жмурилась на яркіе солнечные лучи...

II.

Къ окну прислонился вечерній сумракъ. Ночь торопливо одѣвала темнымъ покровомъ отходившій ко сну день...

Прохоръ сидѣлъ на „липкѣ“—кадушечкѣ, передъ нимъ на верстахъ въ кучѣ кожаныхъ обрѣзковъ и разнаго сапожническаго инструмента возвышались на-половину наполненная водкой полбутылка и стаканчикъ, а рядышкомъ умѣстились корка черного хлѣба и соленый огурецъ.

Прохоръ былъ пьянъ. Волосы у него на головѣ взлохматились, борода сваялась въ неуклюжій комокъ, глаза кругло выпучились изъ орбитъ и были мутные, бессмысленные. Слегка покачиваясь въ липкѣ, онъ напѣвалъ хриплымъ голосомъ что-то нескладное, выражавшееся неясными, задушенными въ глубинѣ груди словами.

— Экъ, нализался!—упрекнула Прохора Арина. Она, подбоченясь, остановилась противъ мужа.

— Работать лѣнь, а водку мертвой чашей глушишь. У, аспидъ!

Арина замахнулась на мужа и ея кулакъ увѣсисто опустился ему на шею. Прохоръ крикнулъ и въ мигъ проглотилъ свою нескладную пѣсню.

— Отвяжись, Арина,—сказалъ онъ, оправившись отъ полученнаго тумака.—Отвяжись, скулы сворочу.

Арина съ ворчаньемъ отошла къ двери.

— Парашка!—позвала она.

Въ комнатѣ появилась Параша.

— Одѣнься порванѣй,—приказала Арина.—Пройдись къ бульвару, тамъ сегодня музыка играетъ, народу много прогуливается. Богатый народъ.

— Да, смотри, зѣвакой не будь, поплаксивѣй проси. Говори, отецъ больной, три брата махонькихъ, да двѣ сестренки. Насбираешь много, гостинца куплю, платье...

— Притворяйся, Парашка, казанской сиротой и завсегда будутъ подавать хорошо,—встрялъ въ бесѣду Прохоръ.—Мнѣ встало въ копеечку тебя, этакую дурынду, выкормить.

— Ну, понесешь, дуракъ пьяный!—огрызнулась на мужа Арина и опять занесла надъ нимъ кулакъ. Но не ударила.

— А ты, Парашъ, ступай,—сказала она, въ минуту мѣня суровый, злой голосъ на ласковый.—Подольше домой не вертайся.

.....
Ночь. Небо звѣздное. Серебряный мѣсяцъ величаво плыветъ въ темной лазури надъ городомъ. По улицамъ въ высокихъ фонаряхъ горятъ керосиновые лампы.

На бульварѣ играетъ музыка. Густые звуки мѣдныхъ трубъ съ серебряными переливами флейтъ и кларнетовъ выигрываютъ нѣжную мелодію, полную затаенной печали по чѣмъ-то... И тамъ и сямъ по саду горятъ фонарики зеленымъ, краснымъ, малиновымъ свѣтомъ; и этотъ разнообразный свѣтъ красивыми пятнами улегся на темной зелени погруженныхъ въ сонъ деревьевъ, по травѣ, по песчанымъ аллеямъ и на нарядахъ, на лицахъ прогуливающихся людей.

Параша, кутаясь въ большой платокъ, прислонилась къ садовой оградѣ. Она низко кланялась прохожимъ и слезливо просила:

— Баринъ, копѣечку. Подайте, баринъ, христа-ради.

Люди съ беззаботнымъ смѣхомъ, съ веселымъ разговоромъ на устахъ проходили мимо, не подаривъ нищую дѣвочку взглядомъ; но были люди, которые останавливались передъ нищей съ состраданіемъ и совали ей въ руку мѣдную монету. Параша принимала милостыню и низко кланялась.

— Спаси васъ Богъ, добрый баринъ!

И крестилась.

Грустная мелодія изъ сада выплывала за ограду и проливалась по улицѣ...

Параша взгрустнула. Она забылась, крѣпко зажавъ въ рукѣ мѣдныя монеты... Сколько счастливыхъ людей идетъ мимо. Сколько

съ ними радости, ласки... А старичекъ... пятакъ далъ. Добрый. Но зачѣмъ онъ не спросилъ, какъ она живетъ, есть ли у ней родная мать?.. А красивая барыня спросила: „какъ тебя дѣвочка звать?“ Параша. И больше ничего. Пошла мимо. И копѣчку не дала...

— Дѣвочка! держи!—окликнулъ Парашу чей-то соболѣзнующій голосъ. Передъ ней остановилась молодая барыня въ шляпѣ съ бѣлымъ перомъ.

Параша приняла милостыню и открыла ротъ, но не успѣла слова вымолвить, какъ барыня повернулась къ ней спиной. А Параша хотѣла сказать барынѣ что-то важное, очень важное. Она забыла, но когда барыня стояла къ ней лицомъ, она помнила; слова яркія, какъ огонь, горѣли у ней въ головахъ и въ груди, но отвернулась барыня и огненные слова померкли.

Но зачѣмъ она дала деньги? Нѣтъ, зачѣмъ она не узнала, есть у ней родная мать, любить-ли ее тетка Арина?..

Музыка попрежнему проливалась изъ сада за ограду на улицу. Люди, по виду счастливые, шли мимо.

Параша ощупала въ рукѣ „милостыню“. Она заскучала. Чужими, далекими, недобрыми показались ей проходившіе мимо люди...

Дома Парашу встрѣтила Арина.

— Много набрала?—спросила она.

Параша молчаливо выложила на столъ кучу мѣдныхъ монетъ. Милостыня была богатая. Арина обрадовалась.

— Умница, Параша!—поблагодарила она, подсчитывая мѣдяки.— Будь ко мнѣ хороша, а я тебя никогда не забуду...

— Мы поужинали. Ты проголодалась?

— Да,—отозвалась Параша.—Я съ обѣда въ ротъ крошки не брала.

— Эва грѣхъ какой, выкипѣлъ что ли супъ, а только намъ на ужинъ еле хватило. Поѣшь хлѣбца съ солью. Завтра лапшу на яйцѣ сваримъ.

Параша спала въ кухнѣ на печкѣ. Закусивъ хлѣбомъ и водой, она легла. Но ей не спалось. Передъ глазами зажигались зеленые, красные огоньки, мелькали улыбающіеся, счастливые, разряженные люди, въ ушахъ звучала музыка мѣдныхъ трубъ, веселый говоръ, смѣхъ...

Сколько счастливыхъ людей на свѣтѣ! Сколько копеекъ надавали! Но зачѣмъ они не узнали, каково ей жить у тетки Арины?

А гдѣ родная мама? Помнить ли, какъ давно-давно положила Парашу подъ заборъ? Она добрая, помнить...

Но зачѣмъ не придетъ за своей Парашей, зачѣмъ не отыметъ ее у злой Арины?

Въ груди Параша закипѣли слезы. И вдругъ ей повѣрилось: только попроси Бога и онъ вернетъ тебѣ родную маму. И она сползла съ печи. Въ темномъ углу кухни чуть-чуть проглядывалъ образъ Христа въ терновомъ вѣнкѣ. Параша упала на колѣни.

„Господи надоумь маму, родную маму, придти за мной. Я буду любить маму. Господи, миленькій, услышь сироту Парашу“...

Параша легла на печь съ вѣрой, что Богъ вернетъ ей родную маму.

Арина разбудила Парашу по утру ранымъ-рано.

— Самоваръ поставь, а потомъ дровъ накопи,—приказала она.

Параша поставила подъ трубу самоваръ, а сама вышла на крыльцо.

Было тихо и тепло. Небо было пасмурное, сѣрое. Солнце почивало еще далеко на востокѣ.

На дворѣ ни души. У собашника вытянулся черный шаршавый Шарикъ и дремлетъ. Гдѣ-то близко прокричалъ пѣтухъ и захлопалъ крыльями.

Параша взглянула на небо и глубоко вздохнула. Она помнила, что ночью просила Бога вернуть ей родную маму. Но теперь не ждала ее.

И жизнь ей казалась тяжелой, неласковой и злой-злой...

Г. Володинъ.

ИГРЫ:

Жмурки.

Эта игра почти всѣмъ извѣстна. Одному повязываютъ глаза, причемъ стараются повязать такъ, чтобы онъ ничего не могъ видѣть изъ-подъ платка, а между тѣмъ онъ могъ бы свободно дышать. Повязавъ одному изъ играющихъ глаза, выводятъ его на средину ком-

наты и нѣсколько разъ кружатъ, чтобы онъ не зналъ, гдѣ кто стоитъ. Повязанный прислушивается къ шороху играющихъ и старается словить кого-нибудь. Поймавъ кого-нибудь, онъ долженъ держать его одною рукою, а другою снять съ себя повязку. Передъ игрою въ жмурки должно припрятать всѣ вещи, которыя повязанный могъ бы сломать, а также позаботиться о томъ, чтобы онъ самъ не ушибся, а потому, когда онъ подвергается опасности удариться о что-нибудь, его предупреждаютъ о томъ крикомъ „огонь“. Никому изъ играющихъ не дозволяется выбѣгать въ другую комнату.

(И. Гердъ. Сборникъ Игръ).

Маршъ слѣпыхъ.

Посреди двора вбиваютъ въ землю колъ. Всѣмъ играющимъ, исключая одного, завязываютъ глаза и становятся ихъ въ равномъ разстояніи отъ кола въ кругъ. Разстояніе отъ кола до слѣпыхъ измѣняется шагами. Обыкновенно это разстояніе бываетъ 30 или 50 шаговъ. Слепые поворачиваются лицомъ къ колу. Зрячій начинаетъ считать, причемъ всѣ слѣпые маршируютъ подъ его счетъ, стараясь держаться направленія къ колу. Когда зрячій отсчиталъ столько, сколько было шаговъ отъ кола до слѣпыхъ, всѣ останавливаются и снимаютъ повязки, тутъ-то и окажется, какъ всѣ разбрелись въ разные стороны. Если кому-либо изъ слѣпыхъ удастся дойти до кола, то онъ становится зрячимъ, а прежній зрячій становится слѣпымъ.

(И. Гердъ. Сборникъ Игръ).

Жмурки съ голосомъ.

Какъ и въ обыкновенныхъ жмуркахъ, одному повязываютъ глаза, но остальные не разбѣгаются, а взявшись за руки составляютъ кругъ такъ, чтобы повязанный находился посрединѣ. Всѣ кружатся, а повязанный съ палочкою въ рукѣ внимательно прислушивается къ говору и вдругъ кричитъ: „стой!“ Всѣ немедленно останавливаются. Тогда повязанный протягиваетъ къ кому-нибудь палочку—тотъ долженъ взяться за ея конецъ; по требованію повязаннаго, онъ долженъ до трехъ разъ подать голосъ. Если повязанный, несмотря на измѣненіе голоса, угадаетъ и вѣрно назоветъ играющаго, тогда тотъ смѣняетъ

его; въ противномъ случаѣ играющіе вновь кружатся, а повязанный тѣмъ же порядкомъ отгадываетъ.

(И. Гердъ. Сборникъ Игръ).

Кегли со жмурками.

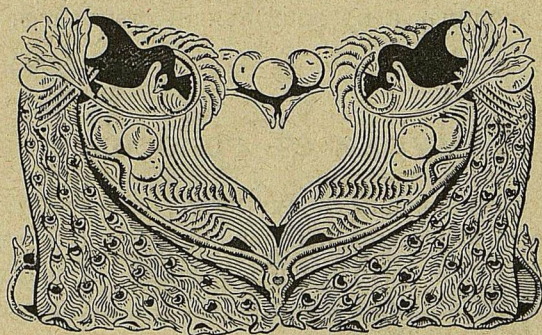
Выставляютъ кегли въ одинъ рядъ такъ, чтобы король стоялъ посрединѣ, а по его сторонамъ по четыре кегли.

Опредѣливъ мѣсто, съ котораго бить, первому изъ играющихъ повязываютъ глаза платкомъ, даютъ шаръ въ руки и ставятъ на то мѣсто, съ котораго онъ долженъ сдѣлать полный кругъ и опять, обернувшись лицомъ къ кеглямъ, катить шаръ. Но такъ какъ немного невѣрный поворотъ заставитъ бьющаго пустить шаръ совершенно вкось, то одинъ изъ играющихъ становится въ извѣстномъ разстояніи позади короля кеглей и подаетъ оттуда голосъ.

Счетъ сбитымъ кеглямъ ведется обыкновенно такъ: сбитый король даетъ бьющему десять очковъ, каждый изъ кеглей, стоящихъ по сторонамъ короля,—восемь очковъ, слѣдующіе затѣмъ шесть—четыре и наконецъ крайніе кегли даютъ каждый по два очка.

Играющіе бьютъ поочередно, и тотъ, кто успѣетъ насчитать 36 очковъ, выигрываетъ игру.

(И. Гердъ. Сборникъ Игръ).

Продолжается Подписка

на **НОВЫЙ** популярно-образовательный и литературно-художественный иллюстрированный

журналъ для **ДѢТЕЙ** 9—12-лѣтняго возраста,

„ДѢТСКІЙ МІРЪ“

Журналъ ставитъ своей задачей оказывать нравственное вліяніе на зарождающееся сознание молодыхъ читателей и удовлетворять запросы пытливаго дѣтскаго ума о различныхъ явленіяхъ вѣшняго міра.

Въ программу журнала входятъ: повѣсти, рассказы, стихотворенія, популярныя статьи по гигиенѣ, зоологіи, ботаникѣ, физикѣ, химіи, механикѣ (опыты и задачи), біографіи ученыхъ, художниковъ, писателей, общественныхъ дѣятелей; легкія музыкальныя произведенія; шутки, загадки, ребусы и пр.

Журналъ помѣщаетъ повѣсти рассказы, только взятые изъ жизни, и избѣгаетъ страшныхъ сказокъ и всего неестественнаго, что можетъ вредно отзываться на нервной системѣ дѣтей.

Религіозные вопросы журналъ освѣщаетъ преимущественно со стороны точнаго толкованія Евангелія.

Журналъ держитъ дѣтей вдали отъ политическаго движенія страны; на запросы же своихъ читателей отвѣчаетъ, придерживаясь идей всеобщаго равенства.

Журналъ выходитъ 2 раза въ мѣсяцъ безъ всякихъ приложеній.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

на годъ 3 рубля съ пересылкой, допускается разсрочка по 1 рублю при подпискѣ, 1-го марта и 1-го іюня.

Контора Редакціи: Москва, Малая Лубянка, 18. Тел. 94-02.

Секретарь Редакціи принимаетъ по понедѣл. и средамъ отъ 1 до 3 ч. дня.

Редакторъ-Издатель Н. И. ФИДЕЛЛИ.

СВѢТОПИСЬ

журналъ практической фотографіи и
ея примѣненій.

== Официальный Органъ Саратовскаго и Одесскаго Фотографическихъ Обществъ. ==

Двадцать четыре выпуска въ годъ. ☆ ☆ ☆ Ежемѣсячныя приложения.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ТРИ РУБЛЯ СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ МОСКВѢ: въ конторѣ журнала (Петровка, № 15), въ конторѣ Н. Н. Печковской (Петровскія линіи), въ магазинахъ „Художникъ“ (Камергерскій пер.), І. Покорнаго (Петровка), І. Стеффенъ (Столешниковъ пер.), О. Іохимъ и К^о (уг. Рождественки и Софійки), Р. Якобъ (Тверская), Л. Шимборскій (Кузнецкій пер.), „Жакъ“ (Петровка), въ конторѣ Т-ва „Побѣда“ (Новая Басманная) и др.

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, въ магазинѣ І. Стеффенъ, Казанская, 5.

- **ОДЕССѢ,** въ магазинѣ І. Покорнаго, Еврейская, с. д.
- **КИЕВѢ,** въ магазинѣ І. Покорнаго, Крещатикъ, 43.
- **РОСТОВѢ** н/д., въ магазинѣ І. Покорнаго, Садовая, 51.
- **КАЛУГѢ,** въ фофотографіи В. Н. Ченцова

и во всѣхъ лучшихъ складахъ фотографическихъ принадлежностей и книжныхъ магазинахъ.

Члены Обществъ и служащіе казенныхъ и частныхъ учреждений, подписывающіеся чрезъ своихъ назначенцевъ, платятъ 2 рубля 50 копѣекъ.

Для ознакомленія съ журналомъ пробный абонементъ
на 1 мѣсяцъ бесплатно.

ПОЧТОВЫЙ АДРЕСЪ:

Въ Москву, журналу „Свѣтопись“,
коммер. ящ. 593.

Редакторъ-Издатель

И. Д. Переполкинъ.